

Даль О. И.

80.05.92

Культура Байка (казак). - 1991. - Зоштад. - С. 19.

Личность в искусстве

ПУСТЬ — дождь. Криво и вглубь уходящая улица. Отражение в мокром асфальте. В перспективе — еще различимый силуэт, но человек уходит. Уходит... Или... летний дождь, теплый, и человек идет навстречу, вот-вот мы разглядим его лицо. Знакомое, незнакомое?..

В шестидесятые мальчики и девочки сороковых годов рождения вступали во взрослую жизнь. Мы тоже вступали в жизнь, успев, правда, только родиться. Двадцать лет спустя, когда взрослыми станем мы, кто-то из тех мальчиков и девочек, преждевременно устав, уйдет из жизни. Уйдет, оставив в наследство крохи памяти, контуры лиц и вкус горечи за чье-то несбыточеся. Свои стихи, песни, фильмы. Несыгранное, неизписанное, неспетое.

Такие времена.. Жили как живется — ни плохо, ни хорошо. Друг друга уверяли — прекрасно. Оказалось — скверно. И называнье всему есть: «период застоя». Когда разобрались, кто «дети застоя», кто — «жертвы», кто — «творцы», самым «белым» пятном истории стало недавнее прошлое. Если жили, то как — с закрытыми глазами?.. Сегодня пытаются разобраться в своем вчера и мучительно считают потери. Поколение, чью трагедию выразил Олег Даль. Остро ощущавший душевную неустроенность ровесников, Даль принадлежит к тем художникам, которые хотели и умели говорить правду о настоящем и в эти времена.

«Мы распухли в самодовольстве. Мы разкирели и облинились от пошлости и банаальности. У нас почти не осталось сил хоть чуть-чуть пошевелиться».

«Цинизм и опустошенность — вот что довлеет над психикой нового человека. Выбить его из привычного состояния. Дать ему новые ощущения...»

«Нет, не вписываюсь я в их систему. Систему лжи и идеологической промывки мозгов. Чувствуют врага в искусстве. Переходят на личности. Правильно чувствуют. Я в каждой роли, я». Олег Даль, про то, как в жизни и в искусстве. О своем времени — в свое время. Но разве эта правда сегодня — не о сегодняшнем дне?

По-моему, в нем есть то, чего мы не можем найти друг в друге. «Хранить себя! Это главное. Не приспособиться. Не обезразличиться». (Из дневника артиста О. Далля). Может, нам нечего хранить? Или эти его мысли — мы тоже думаем об этом, но не было никогда рядом человека, способного понять их и откликнуться? А он, Даль, подтверждение, что надо об этом думать...

Кумир? И близко нет. (Кто они — кумиры почти тридцатилетнего поколения, рожденного в шестидесятые? Были, есть?). Не поклонение — понимание. О трагичности судьбы задумалась только после «Отпуска в сентябре», а потом наткнулась на чье-то: Зилов — еще одна роль, исследующая драму мальчиков шестидесятых. И если драма Зилова — драма неверия, ко-

му как не нам его понять... Об огромности таланта — после «Жени, Женечки и «Катюши». Сначала постигала Личность, потом — Актера. Но и сегодня для меня один Даль — из «Старой, старой сказки», другой — читающий «Думу» Лермонтова.

Алик Крамер («Мой младший брат»), Женя Колышкин, Мальчик-интеллектуал из арбатской подворотни и... тот же арбатский мальчишка,

OLEG Иванович Даль. Год 1991 обозначен двумя датами — пятидесятилетием со дня рождения и десятой годовщиной со дня смерти. Имя его неизменно вызывает в ответ «какой актер!» — восхищенное, уважительное, горькое. Так рано ушел, так много не успел... И все-таки успел. Успел сказать о себе, о времени главное — в дневнике, эссе, стихах, моноспектакле, записанном на домашний магнитофон, фильмах своей темы, «Отдельный», ни с кем не сравнимый, загадочный Олег Даль.

На снимке: Олег Даль.
Фото М. Гутермана.

ПЕРЕЙТИ РЕКУ

вчерашний школьник. Печорин, Зилов. Люди разных эпох, а родство налицо. И родит их не арбатская подворотня — то, что глубже... Женя Колышкин, Зилов. Контраст. Разные типы, разные темы. И это — целую жизнь прожить: от по-детски мягкой улыбки и бездонной голубизны глаз до улыбки — горькому, глаз — «никогда не смеющиеся».

Жизнь художника конфликтна по сути. Это точное замечание вполне относится к жизни О. И. Далля. Вечная неудовлетворенность, полное отсутствие какой-либо самоуспокоенности, напряженнейшая внутренняя работа. Он думал о «совершенно новом методе и способе игры актера», новом театре. Не успел. Не хватило времени и сил. Но главное — главным для Далля было играть. И в этом главном предназначении из него хотели сделать «пешку». В конце концов, каждое поколение, переживает свою драму. Но кто из актеров других поколений обнажил ее так, как Даль — драму мальчиков шестидесятых? А он сумел это не только сыграть ролями — тем, как жил, и тем, каким был.

Как-то в мои руки попал сборник рассказов Галины Корниловой «В сторону Садового кольца». Чтение в вагоне электрички волей-неволей неглубокое, вполглаза, но... понапачку увлекло легкое

изящество стиля, подкупили лирические интонации и тонкий юмор. И за последней перелистнутой страницей открылся своеобразный мир прозы Г. Корниловой, в котором соседствуют реальность, фантазия и философский взгляд на самые обыденные вещи. Случилось совпадение: пресса заговорила, на конец, о Дале — публикации «Комсомольской правды», «Советского экрана»... проза Г. Корниловой... публикации «Театральной жизни», «Кругозора»... рассказ «Никому не известный человек».

...Легко представить, что за жизнь течет в дачном поселке в разгар сухого недождливого лета. Привычные домашние заботы, садово-огородные хлопоты. Вечерний чай с витаминным смородиновым вареньем, неспешные беседы на террасе и ожидание гостей на выходные. Так день, другой, третий... Лето, другое... Привыкаешь к лету, однообразию, гостям. Своим и чужим, которых встречаешь как своих, потому что так по-соседски, по-приятельски приятно. Привыкаешь и забываешь вдруг, что уютная дача — это еще не весь мир, далеко не весь. Мир — он огромен и бесконечен и «полон еще не открытого смысла...» И вот в один из воскресных полдней в дачном поселке появился человек, чье лицо всем показалось знакомым...

Иногда задаешься вопросом: был бы Олег Иванович Даль счастлив сегодня, в эпоху гласности, «революционных перемен» и т. п.? Одна из первых публикаций О. Далля (первых уже в «новое» время) называется «Возвращение». Если представить его возвращение в сегодня...

«Дверь отворилась неслышно, легко, и он встал на пороге, элегантный в своем черном костюме, с белым пятном платка на груди. Лицо его, как будто освещенное светом очень раннего утра, сразу показалось нам знакомым. Он улыбнулся. Не нам, а скорее своим мыслям, и тогда в лице его сразу стала заметна глубокая, неисчезающая печаль... Он сидел с нами за столом, покрытым для него пестрой клетчатой скатертью... а потом осторожно спросил:

— Вот так вы и живете?» (Г. Корнилова, рассказ «Никому не известный человек»).

Так ли уж далеко мы ушли от себя вчерашних?

Семнадцатая дача. «Лучшие люди поселка», сидя на парусиновых стульчиках, заняты разговором о самых ответственных проблемах. Глядя на них, определенно нельзя не заметить, что «коекто из собеседников мог бы выпустить собственные художественные произведения, а у некоторых переди было блестящее будущее». «Дело, дело, и еще раз дело! Вот

мой лозунг. Все остальное — суета. Все эти хождения в гости, беседы об искусстве с коллегами, взаимные восхваления — от неуважения друг к другу. Всему этому грохана, потому что держится это все на дешевом комнатном тщеславии». (О. Даль. Из письма Анатолию Эфросу). Между тем, гость, не принимая участия в оживленном разговоре, сидел чуть откинувшись головой назад, судорожно, намертво скомкав в ладони носовой платок. («В гримерной всегда сидел один, ... и скрути у него ходили, настолько он раздражался, слизца, как за стеной артисты болтают на посторонние темы...». Эфрос о Дале). И «они все замолчали, встремленные, даже шокированные этой откровенной скорбью», испытывая внезапно похожую на жажду «тоску по совсем другому».

Знакомый каждому, как показалось вначале, никому не известный человек, так и ушел неизвестным. «Здесь же, на берегу, на пыльном песке у воды остался след его узкого тутоносого ботинка. Мы непременно бы догнали его; если бы в этом месте через реку был мост».

О. И. Даль из жизни ушел внезапно. Но, видимо, как-то с самого начала — уходил. Уходил в себя, в мир трагического одиночества Лермонтова. Его внутренний мир, то самое «я», хранимое им — тонкая совместливость. Все раньше других поняв в этой жизни, однажды он перешел реку без всякого моста.

Г. ТАКАШ